

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ В ЯКУТСКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

© Анастасия Мыреева

A BIOGRAPHICAL STORY IN YAKUT PROSE IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Anastasiya Myreeva

The development of the biographical novel is typologically significant in the genre movement of Yakut prose in the second half of the 20th century. Thus, in the 1980s-1990s, the genre of a lyrical and biographical story is active in the works of N. Luginov, V. Yakovlev-Dalan, I. Sosin and others. A lyrical, authorial conception dominates in the texts of these stories. The works of S. Danilov, N. Mordinov-Amma Achaegaeva and N. Luginov are characterized by further deepening of socio-philosophical aspects of the genre. The most prominent features of the historical-biographical story are noticeable in R. Kulakovsky's work "The Life of the Father". The in-depth attention to the spiritual and moral formation of the hero, given against the backdrop of the socio-historical era, is a common feature of the biographical story genre. The text of the biographical narrative is distinguished by a complex narrative structure, its contextual dialogicality.

In the genre of the Yakut biographical novel, landscape descriptions are of conceptual importance. They create a kind of a geo-cultural image of the northern lands, represented by the "Siberian text" as a special mental system of ideas about the world and man. On the whole, in the second half of the 20th century, Yakut literature was enriched by the emergence of a number of significant works in the genre of lyrical and biographical, historical and biographical story.

Keywords: genre, historical and biographical story, text, authorial position, hero, social and philosophical.

В жанровом движении якутской прозы второй половины XX века значимо развитие биографической, историко-биографической повести. Так, в 1980–90-е годы активен жанр лирико-биографической повести в творчестве Н. Лугинова, В. Яковлева-Далана, И. Сосина и др. В тексте данной разновидности жанра доминирует лирическое начало, концептуальна авторская позиция. Дальнейшее углубление социально-философского аспекта в жанре выражено в произведениях Н. Мординова-Амма Аччыгыйа, С. Данилова, Н. Лугинова. Более всего черты жанра историко-биографической повести проявились в произведении Р. Кулаковского «Жизнь отца». Общим для биографической прозы является углубленное внимание к духовно-нравственному формированию героя на фоне социально-исторической эпохи. Текст биографического повествования отличает сложная нарративная конструкция, контекстная диалогичность.

В якутской биографической прозе концептуально значение пейзажных описаний, воссоздается своеобразный геокультурный образ северной земли, «сибирский текст» как особая ментальная система представлений о мире и человеке. В целом во второй половине XX века якутская литература обогатилась появлением значимых произведений в жанре лирико-биографической, историко-биографической повести.

Ключевые слова: жанр, историко-биографическая повесть, текст, авторская позиция, герой, социально-философская.

Типологической чертой в жанрово-стилевых исканиях якутских прозаиков во второй половине XX века является активизация жанра биографической повести, о чем свидетельствует творчество Н. Е. Мординова, В. С. Яковлева-Далана, Н. А. Лугинова, И. М. Сосина и др.

Больших успехов в жанре повести в 1980–90-е годы достиг Н. А. Лугинов, этот жанр претерпел в творчестве писателя сложную эволюцию, все более насыщаясь нравственно-психологическими, философскими проблемами.

Одна из первых повестей прозаика «Песня белых журавлей» («Роца Нуоралджима») созда-

на в традициях лирико-автобиографического жанра, получившего развитие в многонациональной прозе 1970-х годов. Достаточно вспомнить произведения О. Берггольц («Дневные звезды»), Р. Гамзатова («Мой Дагестан»), В. Солоухина («Капля росы»), Ч. Айтматова («Джамиля») и др.

Основная мысль автобиографического героя: человек начинается с осознания любви к своей «малой» родине – роще Нуоралджима, сэргэ (коновязь) у родного очага. Концептуален образ одинокого сэргэ, стоящего на пустынном месте «как горестный знак памяти, как безмолвный крик о задуманном и неисполненном». Трагична судьба героини повести – бабушки, потерявшей в войну сыновей, но возлагающей большие надежды на внука, смышленного и любознательно-го.

В повествование вкраплены народные предания, значительно обогащающие, расширяющие пространство произведения, служа средством выражения философской концепции. Повесть светла по своей концепции: есть кому жить на этой земле, есть кому передать нравственные заповеди предков.

К вышеуказанной разновидности жанра лирико-биографической повести можно отнести произведение И. Сосина «Тепло родного очага» (1996). Символика названия повести (в точном переводе с якутского – «Попутный ветер аласа») раскрывается в целом ряде синонимических понятий – концептов: *төрөөбүт төрүт буор*, *төрөөбүт алаас*, *сир ийэ*, *эбэм энэрэ*. Основная суть всех этих понятий едина: родина, родные места. Главное звено в воспоминаниях лирического героя – дивная страна детства, откуда берет начало все: и формирование личности, и патриотизм, и память прошлого, и мечты о будущем. Все в этой стране взаимосвязано.

В повести представлена своеобразная концепция народной педагогики. Главные воспитатели в семье – отец и мать, пример их трудовой жизни определяет формирование основных жизненных ценностей автобиографического героя. Узловым в повести является понятие «школы родителей», своеобразного «университета жизни». Главное в этой родительской школе, по авторской концепции, жить в согласии с совестью и с правдой, в добрых отношениях с окружающим миром. Определяющим выступает стремление вырастить настоящего человека, нравственное воспитание. В народе саха бытуют такие важные понятия, как *киһи кийитэ*, *дьон дьоно*, то есть жить для людей, быть полезным для них.

Родительская школа – это школа без раз и навсегда установленного распорядка, но всегда от-

крытая, с выверенной вековым народным опытом «методикой», простая, глубокая и мудрая. Выражаясь языком современной педагогической науки, это «педагогика сотрудничества». Родителям присуще подлинно народное представление о взаимоотношениях человека с природой, то, что мы называем экологической культурой. Человеку, живущему в суровых климатических условиях, органично свойственно поклонение явлениям природы. В традиционных представлениях народа саха все в природе имеет душу, у каждой местности, у каждого дерева есть свой дух – хозяин.

Природа воспринимается деревенскими детьми как уютный, добрый дом:

Природа нам – как дом родной. Сами не замечая того, мы с раннего утра до позднего вечера резвимся на лоне природы, слушаем ее упоительную музыку, вдыхаем ее освежающий воздух, встречаемся с разными пернатыми и зверьем, вкушаем ее сладкие дары. Хотя умом мы и не понимаем до конца, что все это – щедрый дар матери-земли, но глубоко в душе благодарны ей [Сосин, с. 22].

Так в жанре лирической повести И. Сосин художественно выразил свое видение нравственного, экологического воспитания молодого поколения.

Вечная тема «человек и природа» в 1980–90-е годы с новой силой звучит в произведениях якутских прозаиков: И. Гоголева, П. Авакумова, В. Яковлева-Далана и др.

В традициях лирико-автобиографической повести написана повесть В. Яковлева-Далана «Шумит седая тайга» (1980). Лирическую тональность задает тексту произведения эпиграф – лирическое стихотворение М. Ефимова о любви к малой родине. В нем обозначены ментально значимые концепты якутского мира: *сайылык* (летник), *өтөх* (жилье), *сэргэ* (коновязь).

Своеобразие текста определяет исповедальное начало, обилие лирических отступлений, внутренних монологов, особая роль отводится диалогу. Фольклорно-мифологическое начало в структуре повествования выражается в алгысах – благопожеланиях, в обряде поклонения хозяину земли, леса.

Лирический герой повести, уроженец села, ставший городским жителем, на лето приезжает в родные места, и его охватывают воспоминания.

Лирический настрой произведения определяется проникновенными словами благодарности «малой родине»: *Родная земля, нет ничего прекраснее, щедрее на свете, чем ты* [Яковлев, с. 41]. В композиции основную нагрузку несут многочисленные пейзажные описания: ясного

летнего утра, «музыки весны», восхода солнца, изобильной осени. Основной тон повествования – мажорный, солнечный.

Лирическое отступление, начинающееся со слов *тайга моя*, – это гимн природе, ее неизменной жизненной силе. Герой уверен, что если прислушаться к природе, то возникнет особое понимание ее, и мир зазвучит как *вечно прекрасная симфония* [Там же, с. 134], призывающая к добру, гармонии с окружающим миром.

Героев повести волнует судьба природы в век научно-технической революции. Сельский учитель Пуд Ильич уверен, что подлинный патриотизм начинается с любви к «малой родине». Необходимо, считает он, не просто охранять природу, но приумножать ее богатства. Но одни украшают природу, а другие ее разрушают. Так, тракторист Ивашка, отправляясь тушить лесной пожар, плугом огромного трактора разрушает дорогу, проложенную трудом и потом многих поколений.

В повести показаны взаимоотношения поколений отцов и детей. «Отцы» – это старый учитель Пуд Ильич, охотник Лазарь, лирический герой, а «дети» – тракторист Ивашка и приезжий из города – Васька.

«Дети» равнодушны к святыням «отцов». Так, для Васьки обряд украшения священного дерева – *ерунда*, а для Пуда Ильича – народная традиция. «Человек, – говорит учитель, – дитя природы, его жизнь кровно связана с ней, поэтому он и поклоняется ей». Словом, Васька и Ивашка типологически родственны таким «нигилистам», как Егорша у Ф. Абрамова или Сабитжан у Ч. Айтматова.

Автор показывает, как в экстремальных условиях проявляется суть характеров, в частности на охоте. И если для лирического героя повести пребывание на охоте – это возможность ощутить кровную связь с родной природой, то для Васьки главное – нажива.

Настоящий охотник определяется не по количеству добычи, а по тому, как он охотится. Он не истребляет все подряд, не рубит сук, на котором сидит, все делает с умом [Там же, с. 160].

Конфликт поколений – это, по мнению автора, противостояние двух культур. Если Васька считает себя представителем городской культуры и потому свысока относится к землякам – *деревенщине*, то истинную культуру, воспринятую с молоком матери, рожденную повседневным общением с природой, автор находит у представителей старшего поколения. Они не знают, что такое записной этикет, зато человечны и добры. Главное, считают они, относиться ко всем с оди-

наковым уважением. Особенно тепло автор говорит о старых мудрых женщинах:

Милые наши бабушки! Вы несете в себе неизменные народные традиции: доброту, дружелюбие, гостеприимство. Что будет с нами, когда вы покинете нас? [Там же, с. 47].

Традиции социально-философского жанра прозы берут начало в якутской литературе в творчестве П. А. Ойунского – с философских рассказов «Сумасшедший Никус» (1923), «Александр Македонский» (1935), «Соломон Мудрый» (1935), повести-предания «Кудангса Великий» (1929). Данные повести имеют историко-биографическую основу. Герои П. А. Ойунского общечеловечны по своим устремлениям, их волнуют судьбы всего человечества, в конечном счете их идеал – свободные люди на свободной земле.

Традиции философской прозы были продолжены в разные периоды истории якутской литературы в творчестве Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя, Д. К. Сивцева-Суорун Омоллона, С. П. Данилова и др. Историко-биографическая основа насыщается социально-философским содержанием. Обновление традиций наблюдается в якутской прозе второй половины XX века, тяготение к философичности отличает повести Н. А. Мординова («Беда»), С. Данилова («Пашня») [Данилов] и др.

Народный писатель Якутии Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыя был убежден в том, что литература тесно связана с жизнью, с насущными проблемами общества. В творческом наследии писателя, создавшего роман-эпопею «Весенняя пора», особое место принадлежит повести «Беда» [Мординов]. Произведение имеет конкретную историко-биографическую основу, толчком к созданию повести послужил рассказ участника событий Терешкина Николая Дмитриевича.

Сюжет повести основан на трагических событиях, происходивших в глухой якутской тайге в годы войны. В марте 1943 года потерпел аварию самолет МИ-2, летевший из Якутска в Олекминск. Силой художественного мастерства писатель создал произведение глубоко философского, многозначного содержания.

В развалившемся самолете осталось девять человек, экипаж и пассажиры. Летчики, участники войны Черняков и Тихонов, погибли. Испытание голодом, холодом в экстремальных обстоятельствах продолжается долгие одиннадцать дней. В борьбе за жизнь, благодаря психологическому мастерству автора, раскрывается суть характера каждого, беда сплотила всех.

Оплотом для всех стал молодой секретарь комсомола Николай Тогойкин, он сумел быстро оценить обстановку, развел костер, распределил остатки провизии, под снегом сумел найти засохшие корни, ягоды, чем поддержал раненых. В конечном счете на самодельных лыжах, пройдя восемьдесят километров по бездорожью, он сумел спасти людей, совершив тем самым героический поступок.

Казалось бы, сюжет обязывал автора больше внимания уделять динамике внешних событий, но в данной повести во главу угла поставлены исследование внутреннего мира героя и интерес к нравственному содержанию его поведения. На материале жизни якутского народа в своеобразной художественной манере писатель раскрыл тему великой, нравственно оздоравливающей силы родной природы.

Николай Тогойкин – плоть от плоти своего народа, сын охотника, вся его жизнь обусловлена ритмом жизни природы. Он получил от отца не только завет – относиться к природе, исходя из нравственных принципов, но и конкретные, практические, необходимые для повседневной жизни уроки: как распознавать следы зверей, как ставить силки, как разжигать костер на снегу. Благодаря этим навыкам, Тогойкин не растерялся в сложной ситуации и смог сразу мобилизовать свои душевные силы на борьбу за спасение людей. Он унаследовал от отца не только навыки охотника и следопыта, но и то неуловимое и трудно определяемое словом качество, которое позволяет каким-то шестым чувством ориентироваться в безбрежном море тайги и находить верный путь: *Он, дитя привольной тайги, безошибочно держит взятое направление, угадывая его сердцем* [Там же, с. 203].

Благодаря изобразительному мастерству Н. Е. Мординова, зимняя тайга живописна, полна жизни и игры света:

Косые лучи заходящего солнца разукрасили белые одежды природы вспышками многоцветных сияний. Пушистый иней переливается на деревьях, на кустах, на кочках мириадами острых искорок и мерцающих звездочек, а солнечные блики, перебегая среди ветвей, создавали причудливый световой узор, то и дело выхватывая из тени слепящие сосульки и радужные снежные подвески. До чего удивительна эта красота, созданная нежными и искусными пальцами природы! Вот откуда, наверное, сверкающие великолепием дворцы, так бесподобно воспетые в якутском олонхо и сказках [Там же, с. 79].

В произведении, созданном на историко-биографической основе, значима авторская позиция. В этом вдохновенном лирическом моно-

логе выражен душевный восторг человека, бесконечно влюбленного в свой родной край. Повесть насыщена глубоким лирическим чувством, что порой прорывается в лирических отступлениях, в непосредственном обращении к «читателю-другу». Лишь человек, глубоко влюбленный в эту земную красоту, может раскрыть потаенную жизнь природы, скрытую от равнодушного взгляда. Автор, а заодно с ним и герой, осознает себя одновременно и сыном, и творцом, и хозяином всего этого несказанного богатства. Он убежден, что «музыка» природы очищает разум, возбуждает в душе человека самые высокие, светлые устремления.

Как бы долго ты ни жил на земле, никогда не перестаешь удивляться красоте родного края, не перестаешь стремиться к завтрашнему, лучшему рассвету: *Надо стараться не пропустить ни одного раннего утра. Ведь каждый раз по-новому светит и по-новому восходит солнце!* [Там же, с. 173].

В повести «Беда» многопланово раскрылось все богатство якутского литературного языка, каким владел в совершенстве Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыя. Именно в описаниях природы полнее всего выразилось мастерство писателя, а его язык органично связан с поэтикой народных эпических сказаний, олонхо, воссоздающих своеобразие мирозерцания народа саха, особенности его взаимоотношений с природой. Автор часто использует излюбленную народом поговорку: *Кун сирэ көҥдөй, айыы сирэ аһаҕас.* – Мир под солнцем широк, божий мир открыт.

Психологическая глубина, философская насыщенность повествования определили эпическое звучание произведения. В повести ощутимы приметы военного времени: это и газеты о ходе событий на фронте, и упоминание о помощи якутян – танковой колонне «Советская Якутия», и постоянное напряжение – мысли о родных.

В авторском послесловии выражена целевая установка: показать, как необходима для духовного развития личности, воспитания истинного патриотизма осознанная любовь к родной природе, к родине. Впоследствии, выступая на съезде молодежи, писатель призывал к «воспитанию у молодежи прекрасного чувства радости жизни» [Там же, с. 355].

Повесть Амма Аччыгыя свидетельствует о том, насколько творчество писателя было тесно связано с проблемами времени, жизни. Благодаря мастерству творца события периода войны приобрели глубоко значимое содержание, философское значение: это произведение о любви к жизни, о нравственной красоте души обыкновенного человека, о готовности к подвигу.

Сложность философской проблематики, углубленное «прочтение» истории отличает «Хуннские повести» Н. Лугинова [Лугинов, 2011, с. 240]. Произведение имеет биографическую основу. На материале древней истории китайской границы ставятся «вечные» вопросы о смысле человеческой жизни, о сохранении духовно-нравственных традиций народа, о роли веры.

Определяющую роль в философской прозе играет авторское начало, именно особая направленность авторской позиции определяет специфику данной прозы. Выразителем авторской позиции в повести выступает эпический сказитель. В духе традиций олонхо эпичен зачин, основанный на постоянных поэтических формулах: *атааннаах-мөнүөннээх орто туруу бараан дойдуга*. – тревожная, непоколебимо-надежная отчая страна моя; *аламай маңан халлаан*. – ясно сияющее небо.

Народная эпическая традиция проявляется подспудно, ассоциативно. Как это присуще философскому жанру, повествовательная ткань произведения основана на обильном переплетении монологов и диалогов.

«Биографические» герои повести – наиболее «думающие» Лао Цзы, Дин Хун, Инь Си. Личность их сформировалась в суровых буднях пограничной заставы Саньгуань в Северо-Западной провинции Китая.

Концепт «граница» организует всю сложную структуру произведения, это многомерное понятие, включающее в себя понятия долга и высокого служения, защиту духовно-нравственных устоев. В судьбах трех героев воплощено понимание истинного служения долгу, чести. Генерал Дин Хун всю свою жизнь посвятил служению на заставе, его позицию отличает ясность жизненных ориентиров, как написано на его надгробном камне: *Я посвятил всю свою жизнь охране границы и не жалею об этом. Сохраните границу!* [Там же, с. 85]. Для него идея служения порядку, справедливости превыше всего, даже любви.

Друг генерала Ли Эр, в прошлом пограничник, впоследствии стал мудрым народным философом, Учителем с большой буквы Лао Цзы. Историческая личность древнего Китая, он создал философское учение о срединном пути, предполагающем умеренность во всем, невмешательство, а главной целью стало *проникнуть в истинную суть мироздания, в суть мироустройства и выразить все это как можно точнее...* [Там же, с. 59].

У Лао Цзы свое понятие о границе:

Все имеет границы: добро и зло, правда и ложь, истина и заблуждение... Надо ли их охранять? Конечно, иначе нарушится всякая иерархия ценности различия между высоким, и низким, и наступит хаос [Там же, с. 153].

Он уверен в своем предназначении: *Отдал все долги жизни, вместо детей отдал ей и людям своих достойных учеников* [Там же, с. 77]. Достойный ученик двух великих Учителей – молодой генерал Инь Си, продолжатель традиции истинного служения границе.

Два противоположных отношения к границе показаны в параллельных судьбах генерала Дин Хуна и контрабандиста Чжан Чженя. Если для Дин Хуна дело чести – охранять государственную границу, то для Чжан Чженя граница дана на то, чтобы постоянно нарушать ее. Для него не существует грани между честью и бесчестьем, между добром и злом, главное – жить в свое удовольствие, не гнушаясь никакими средствами для достижения своей цели.

Показателен их спор о понимании счастья. В ответ на утверждение Чжан Чженя, что они в конце концов оба несчастливы, Дин Хун отстаивает свое понимание счастья: *Если ты бежал за преходящими удовольствиями, я исполнил жизненное предназначение и этим счастлив* [Там же].

Геокультурный образ северо-западной окраины Китая предстает в символическом образе гор Куньлуня, Великого хуннского дракона. Отроги Куньлуня как бы самой природой предназначены стоять на страже границ государства, на пересечении великих торговых путей. С другой стороны, горы символизируют величие человеческого духа. Так, Лао Цзы смог открыть тайну гор, и в свой последний путь жизни идет к надмирным вершинам Куньлуня.

Ассоциативно в осмыслении жизненных путей героев повести развивается «подводный» сюжет-раздумье о доле хуннских племен, оставивших свой след в истории и исчезнувших в дали веков.

По мнению историков, этногенетические корни народа саха ведут к гуннам. Мысль о тайне хуннских племен, о том, «какая движущая сила повела их на главные пути – перепутья истории», – одна из движущих сил сюжета. У главных героев – хуннские корни, что сказывается в их судьбе, даже в каменном сердце Вечного Стражника (памятника пограничнику) бьется кровная связь с хуннами, вечная печаль. Дин Хун навсегда запомнил напутствие отца: *<...> помни, что ты из рода великих хуннов, не опозорь его! Помни одно – ты наш спаситель* [Там же, с. 20].

За долгие века кочевой жизни сложился особый тип характера хуннов, именно суровая природа и кочевой образ жизни сделали их такими, что более всего предрасполагает к пограничной службе. Их держит неразрывная родовая связь, поклонение богам айыы, вера в занебесного тенгри, уверенность в том, что от них <...> зависит состояние самого мира, его постоянства, несгибаемости [Там же, с. 15]. В то же время свободолюбие, непримиримая борьба против несправедливости, против осквернителей человеческой нравственности и высших божественных установлений определили их судьбу, исчезновение в веках. Повествование завершается вопросом, наступят ли когда-нибудь другие времена, когда не будет границ, разделяющих народы, установится мир на единой земле и осуществится мечта стать последним пограничником.

Содержание повести многозначно, она не дает односложного ответа на поставленные вопросы. Углублению философского звучания содействуют подтекст, символика аллегорических явлений, снов и пр.

В этом сложном противоречивом мире все взаимосвязано, все зависит от самого человека, в нем и добро и зло. Но пока существуют границы, долг чести настоящего мужчины, стоять на границе, защищать мир.

Так, многомерное понятие границы в современной историко-философской, биографической повести получает острое современное звучание, утверждая пограничье нравственных вековых ценностей [Карпов, с. 6].

Биографическая проза многопланова: это и лирико-автобиографическая, это и с социально-философской доминантой, и с выраженным историко-биографическим началом.

В якутской прозе 1980–90-х гг. XX века активен жанр историко-биографической повести, о чем свидетельствуют творческие поиски И. Федосеева («Вихрь» (1993), «Неугасимое пламя» (1985)), В. Гаврильевой («Динамит» (1987), «Абакайда» (1994)), Р. Кулаковского «Жизнь отца» и др.

Повесть-воспоминание «Жизнь отца» [Кулаковский] написана в традициях историко-биографического жанра. Это произведение о необычайно цельной и целеустремленной натуре основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского. Как известно, в основе биографического жанра – «объемное изображение характера» [Манн, с. 44]. Сюжет повести основан на перипетиях жизненного пути поэта. Главный герой повести – относится к «людям с биографией».

Как писал Ю. Лотман, отличие внебиографической жизни от биографической «заключается в

том, что вторая пропускает случайности реальных событий сквозь культурные коды эпохи» [Лотман, с. 810].

В произведении выделены основные вехи жизни главного героя, определяющее значение в формировании личности Алексея имеет окружающая среда, само время, традиционный уклад жизни северного народа.

Автор особое внимание уделяет родословной поэта, «природного якута», в формировании его менталитета. Закономерно, что детально и достоверно в повести воссоздан трудовой строй жизни обычной якутской семьи, в основе которого – циклический ритм круговорота природы: летом – сенокос, осенью – подготовка к долгой зиме, зимой – уход за домашним скотом, весной – переезд в летник.

Достоверность описания народного уклада жизни во многом достигается благодаря кропотливому воспроизведению деталей быта: и в описании традиционного жилища-балагана, и в культуре питания, условий трудовой жизни народа.

Текст биографического повествования отличается сложная нарративная конструкция, контекстная диалогичность. Наравне с авторской эпической интонацией важны диалоги, внутренний монолог, насыщенный думами героя о своем предназначении.

Повествовательная ткань произведения густо «населена», ее отличает внутренняя диалогичность, многоголосие, что позволило воссоздать мир народной жизни на переломе эпох.

Поворотным в судьбе Алексея является момент, когда он выучился грамоте у сельского учителя, и перед ним раскрывается необъятный мир русской литературы, мировой классики. Юношей овладело желание учиться, жажда познания нового. Под влиянием прочитанной литературы в нем растет стремление творить. Как верно замечено: «Философское содержание биографической книги, ее специальная направленность и личный вкус автора, всегда были и остаются главными факторами, которые определяют и форму, и художественные компоненты...» [Кумок, с. 24].

Определяющее значение в повествовательной ткани произведения принадлежат авторскому началу, авторской позиции. Повесть, основанную на воспоминаниях, отличает единство стиля, что объясняется личностью, своеобразием творческой манеры автора – родного сына поэта. Произведение написано в лучших традициях якутской прозы, ее отличает богатство, полнота звучности языка. В жизнеописании первого якутского писателя, творчество которого было органично

связано с устным поэтическим наследием народа саха, естественно обилие в тексте народных преданий, пословиц и поговорок. Особой меткостью, образностью отличается речь матери, самого Алексея Кулаковского.

Помимо собственно сюжетных приемов характеристики, автор умело использует портретную, речевую, особенно прием внутреннего монолога, пейзажные описания, стремясь воссоздать многогранный характер.

В определении главной жизненной цели для героя важно окружение близких людей: это и родители, и старший брат Иван, и друг Федор, который убежден, что человек рождается не для страданий, а для радости. Рано проснувшееся в Алексее пронзительное чувство родины, родного народа сближает его с Анемподистом Софроновым, тоже ставшим впоследствии писателем.

Молодой Кулаковский все более убеждается в безграничности богатства народного духовного наследия, запечатленного в героическом эпосе олонхо, в остроумных пословицах и поговорках. В поисках этого бесценного клада он объездил почти всю Якутию, посетил и центральные улусы, и север края: Усть-Янский, Аллаиховский улусы, побывал и на Колыме, и на Индигирке, и на побережье Северного Ледовитого океана. Его самая сокровенная мечта – сохранить в письме сокровища тысячелетней духовной культуры своего народа, отраженную в олонхо, в богатейшем образном языке, в преданиях и песнях.

Судьба посылает ему жестокие испытания: и раннюю смерть любимой жены, и голод, и смертельную опасность на бездорожье. Все эти трудности высвечивают исключительную целеустремленность героя, его верность однажды избранной цели. Своему другу Алампе Алексей признается, что никакие невзгоды не смогут заставить его пасть духом, потерять уверенность в себе.

В повести «Жизнь отца» проявилась типологически общая для якутской биографической повести особенность – концептуальное значение пейзажных описаний.

Северная природа – это и испытание на крепость духа, и спасение от гибели. Порой родная природа как бы сама приходит на помощь, подсказывая герою единственно верный выход из тупика. Так случилось, когда обессилевшему от голода и трудностей пути, ему показалось, что пришел конец. Но, окинув прощальным взором ликующую картину природного мира, Алексей воспрял духом: как он может сдаться смерти, если родная природа подсказывает держаться до последнего, не поддаваться слабости.

Все эти испытания оттеняют исключительную целеустремленность Алексея, его верность однажды избранной цели. В невероятно трудные годы Гражданской войны жизнь ставит героя в обстоятельства, требующие самоопределения, ответа на вопрос: «Ты за кого?» Алексей неизменно отвечает: *Я за заблудившегося в потемках безграмотности родной народ, за народ мудрый и добрый, прямодушный и широкий* [Кулаковский, с. 202]. Во времена великих потрясений Кулаковский желает одного: чтобы народ не заблудился в темноте безверия, не попал в капкан лжи.

Человек широкой натуры, Алексей всей душой полюбил природу Крайнего Севера. «Сибирский текст» как система представлений о мире и человеку предстает на страницах, повествующих о жизни на Крайнем Севере.

Это и своеобразный геокультурный образ северной земли, с величественными горами и бурными реками, с тундрой. Это и простые люди, полюбившиеся Алексею, искренние и добрые, как эвен Лебедев.

Гуманизм писателя проявляется в его искреннем участии в судьбах народов Севера, Якутии. Он убежден, что малочисленные народы Севера должны развивать свою письменность, чтобы их дети, внуки были грамотными, *умели разговаривать с бумагой*. В трудные годы Гражданской войны Кулаковский заботится о снабжении северных улусов.

Как это присуще историко-биографическому жанру, события жизни героя пропущены «сквозь культурные коды эпохи» [Лотман, с. 810], на фоне исторических событий переломного времени начала XX столетия.

Среда, окружающая героя, это круг исторических деятелей, повлиявших на судьбу народа саха: Максим Аммосов, Платон Ойунский, Исидор Барахов, – что сообщает полноту картине исторического времени.

О победе новой власти Кулаковский узнает находясь далеко, в Оймяконе. Впервые на Крайнем Севере он устраивает праздник возрождения ысыах, ставит сэргэ и произносит Алгыс – благословение. Такие символические детали более всего свидетельствуют об отношении поэта к новой жизни.

До последнего дня Алексей верен своему призванию. Несмотря на все перипетии своей судьбы, он считает себя счастливым, ибо верит, что его труды не пропадут даром, послужат родному народу.

Знаменательны мысли героя во внутреннем монологе о значении своего творчества. Так он

уверен, что его поэма «Наступление лета» созвучна народным настроениям:

<...> бу улахан айымны дьон харананан бүрүллүбүт характера аһыллар, сырдыкка тахсар кэмигэр норуот былааһа саҥа үөскээн кэлиитигэр дьүөрэ буолуохтун [Кулаковский, с. 202]. – <...> это большое произведение созвучно времени зарождения народной власти, когда у народа открылись глаза, когда он устремился к свету (перевод наш – А. М.).

Любовь, вера родного народа спасают Алексея в трудные дни жизни. Ему посчастливилось дожить до дня, когда его труды увидели свет и народ празднует его юбилей: «Я счастлив... Меня любит народ».

В финале показаны последние дни жизни поэта, когда он борется с тяжелым недугом. И в эти последние дни он продолжает думать о самом главном – образовании, просвещении народа, забота о друзьях: *Развивайте литературу, науку.*

Повествование о жизни великого творца завершается стихотворением – посвящением другого великого поэта – Алампа.

Таким образом, в историко-биографической повести «Жизнь отца», созданной родным сыном поэта, многопланово показана личность Кулаковского в органическом сплаве с жизнью эпохи. Благодаря художественному мастерству автора, в жизнеописании основоположника якутской литературы происходит своеобразная «романизация» жанра повести, углубление его социально-исторического, психологического, философского содержания.

Повесть Р. А. Кулаковского явилась своеобразной предтечей появления в якутской прозе историко-биографического романа. Таким образом, в жанровом движении якутской прозы второй половины XX века значимо развитие биографической повести.

Невозможно точно установить границы между разновидностями биографической повести, но по некоторым особенностям текста жанра можно выделить отдельные разновидности жанра, проследить эволюцию.

Так, в якутской прозе 1980–90-х гг. активен жанр лирико-биографической повести, о чем свидетельствуют произведения Н. Лугинова «Роща Нуоралджима», В. Яковлев-Далана «Шумит седая тайга», И. Сосина «Тепло родного очага». В тексте данных повестей доминирует лирическое начало, чаще выраженное приемом воспоминания, голос лирического героя сливается с авторским, чаще в лирическом отступлении, во внутреннем монологе, в особой исповедальной интонации.

Углубление социально-философского начала в жанре биографической повести выражено в дальнейшем в произведениях Н. Мординова-Амма Аччыгыя «Беда», Н. Лугинова «Хуннские рассказы». Личность героя освещается в свете важных социальных проблем времени, истории, в ситуации испытания, нравственного выбора.

Более всего черты жанра историко-биографической повести проявились в произведении Р. Кулаковского «Жизнь отца». Формирование творческой личности будущего великого писателя показано на широком фоне исторического времени начала XX века, основано на воссоздании традиционного уклада жизни северного народа. Общим для жанра биографической прозы в рассмотренных произведениях является углубленное внимание к духовно-нравственному формированию героя. Текст биографического повествования отличает сложная нарративная конструкция, контекстная диалогичность. Определяющее значение приобретает авторское начало. В жанре биографической повести концептуально значение пейзажных описаний, воссоздается своеобразный геокультурный образ северной земли, представлен «сибирский текст» как особая ментальная система представлений о мире и человеке.

В целом во второй половине XX века якутская проза обогатилась появлением ряда значимых произведений в жанре лирико-биографической, историко-биографической повести.

Список литературы

- Данилов С. П. В летнюю пору. Повесть. Рассказы. Якутск: Кн. изд-во, 1989. 223 с.
- Карпов В. Пограничье Н. Лугинова // Н. А. Лугинов. Хуннские повести. Якутск: Бичик, 2011. С. 5–7.
- Кулаковский Р. А. Жизнь отца: повесть-воспоминание. Якутск: Кн. изд-во, 1990. 288 с. (на якут. яз.).
- Кумок Я. Н. Биография и биограф // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 18–32.
- Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: «Искусство», 2012. 845 с.
- Лугинов Н. А. Хуннские повести. Якутск: Бичик, 2011. 240 с.
- Манн Ю. Жанр больших возможностей // Вопросы литературы. № 9. 1959. С. 59.
- Мординов Н. Е.-Амма Аччыгыя. Беда. Повесть. М.: Сов. писатели, 1970. 320 с.
- Сосин М. И. Тепло родного очага. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1996. 107 с. (на якут. яз.)
- Яковлев В. С.-Далан. Шумит седая тайга. Повесть. Якутск: Кн. изд-во, 1980. 200 с. (на якут. яз.).

References

Danilov, S. P. (1989). *V letniiu poru. Povest'* [In the Summer. A Story]. Rasskazy. Iakutsk, Kn. izd-vo. 223 p. (In Russian)

Iakovlev, V. S.-Dalan. (1980). *Shumit sedaia taiga* [The Gray Taiga Is Rustling. A Story]. Povest'. 200 p. Iakutsk, Kn. izd-vo. (In Yakut)

Karpov, V. (2011). Pogranch'e N. Luginova [N. Luginov's Borderlands]. N. A. Lugi-nov. Khunnskie povesti, pp. 5–7. Iakutsk, Bichik. (In Russian)

Kulakovskii, R. A. (1990). *Zhizn' ottsa: povest'-vospominanie* [Father's Life: A Memoir Story]. 288 p. Iakutsk, Kn. izd-vo. (In Yakut)

Kumok, Ia. N. (1973). *Biografiia i biograf* [Biography and Biographer]. Voprosy literatury. No.10, pp. 18–32. (In Russian)

Lotman, Iu. M. (2012). *O russkoi literature* [On Russian Literature]. 845 p. St. Petersburg, "Iskusstvo". (In Russian)

Luginov, N. A. (2011). *Khunnskie povesti* [Hun's Stories]. 240 p. Iakutsk, Bichik. (In Russian)

Mann, Iu. (1959). *Zhanr bol'shikh vozmozhnostei* [The Genre of Great Opportunities]. Voprosy literatury. No. 9, p. 59. (In Russian)

Mordinov, N. E., Amma Achchygyia (1970). *Beda. Povest'* [Trouble. A Story]. 320 p. Moscow, Sov. Pisateli. (In Russian)

Sosin, M. I. (1996). *Teplo rodnogo ochaga* [The Warmth of Your Native Hearth]. 207 p. Iakutsk, Nats. kn. izd-vo "Bichik". (In Yakut)

The article was submitted on 16.05.2018

Поступила в редакцию 16.05.2018

Мыреева Анастасия Никитична,
доктор филологических наук,
доцент,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН,
677027, Россия, Якутск,
Петровского, 1.
anastmyreeva@yandex.ru

Myreeva Anastasiya Nikitichna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
The Institute of Humanities Research
and Indigenous Studies of the North,
Russian Academy of Science, Siberian Branch,
1 Petrovskogo Str.,
Yakutsk, 677027, Russian Federation.
anastmyreeva@yandex.ru